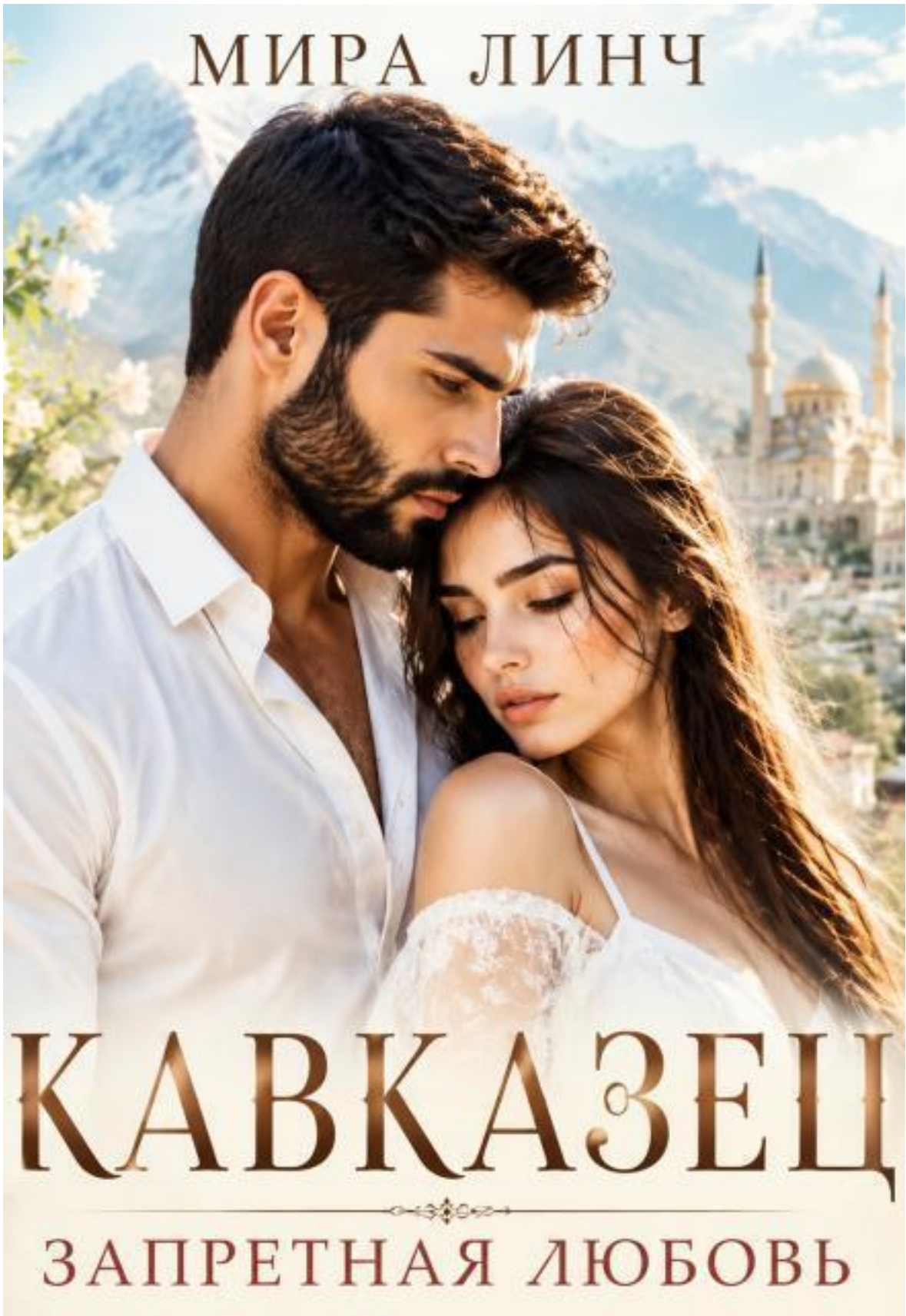

A romantic couple embracing in a scenic mountain setting. The man, with dark hair and a beard, wears a white shirt and leans his head against the woman's. The woman has long dark hair and wears a white lace-trimmed top. In the background, there are snow-capped mountains and a mosque with a large dome and minarets. The scene is bathed in warm, golden light.

МИРА ЛИНЧ

КАВКАЗЕЦ

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Мира Линч

Кавказец. Запретная любовь

«Литнет»

2026

Линч М.

Кавказец. Запретная любовь / М. Линч — «Литнет», 2026

После болезненного предательства Алина уезжает из Москвы, надеясь начать жизнь заново в небольшом городе у подножия Кавказских гор. Она не ищет любви — только спокойствия и тишины. Но судьба сталкивает её с Тимуром — мужчиной, выросшим в мире, где честь семьи и традиции стоят выше личных желаний. Он не привык отступать. Она не привыкла доверять. Их встреча становится искрой, которая разжигает огонь, способный разрушить всё вокруг. Семейные запреты, старые обещания и прошлое, которое не хочет оставаться в тени, делают их любовь невозможной... и ещё более притягательной. Теперь им предстоит выбрать: долг или чувства, традиции или собственное счастье. Но иногда любовь не спрашивает разрешения.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Там, где горы касаются неба	8
Глава 2. Честь дороже крови	12
Глава 3. Тот, кого я похоронила	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пролог

Пролог

Москва встречала меня серым утром, когда я открыла глаза в своей крошечной студии на окраине. За окном моросил дождь, и капли стекали по стеклу, размывая очертания соседних домов. Я лежала на диване, который служил мне кроватью уже третий год, и смотрела в потолок, где трещина от сырости напоминала карту неведомой страны. В груди ныла знакомая тяжесть — та самая, что не отпускала меня последние несколько недель. Я приписывала её усталости, бессоннице, вечной спешке московской жизни. Но сегодня я знала — это предчувствие.

Максим не звонил со вчерашнего вечера. Обычно он писал мне каждые два часа: «Как дела?», «Что на ужин?», «Люблю». А тут — тишина. Я набрала его номер — он сбросил. Написала сообщение — прочитал, но не ответил. Я уговаривала себя: он занят, у него переговоры, он забыл зарядить телефон. Но внутри уже закипал холодный страх, тот самый, что поселился во мне после того, как я полгода назад нашла в его кармане чужую закладку. Тогда он объяснил: «Это коллега уронила, я поднял и забыл отдать». Я поверила. Я хотела верить.

Я встала, налила себе чай и села на подоконник, глядя на бесконечные серые дома. Москва казалась мне огромным муравейником, где каждый бежит по своим делам, не замечая других. Здесь я прожила пятнадцать лет — с тех пор, как мама привезла меня из того маленького кавказского города, где я родилась. Она умерла, когда мне было десять, и я осталась с отцом, который быстро нашёл новую семью и забыл обо мне. Интернат, потом институт, потом работа, потом Максим. Он появился, когда я была на грани отчаяния — у меня не было денег на съём, я работала на двух работах и почти не спала. Он был старше, уверенный, с деньгами и связями. Он сказал: «Ты красивая. Почему ты одна?» И я поверила, что он спасёт меня.

Я оделась, взяла зонт и вышла на улицу. Решила поехать к нему, сделать сюрприз — купить его любимый виски и новую рубашку, которую он давно хотел. В магазине я выбрала всё с особой тщательностью, даже попросила упаковать в праздничную бумагу. Мне хотелось увидеть его улыбку, услышать его голос, почувствовать его объятия. Я так соскучилась — мы не виделись три дня, он был в командировке, а вернулся вчера, но сослался на усталость и не приехал ко мне.

Такси остановилось у его дома — элитного комплекса в центре, с консьержем и кодовым замком. Я поднялась на лифте на двенадцатый этаж, достала ключи (он дал мне их год назад, когда мы решили жить вместе, но я оставила свою студию «на всякий случай»), открыла дверь. В прихожей пахло его парфюмом и ещё чем-то — сладким, цветочным, чужим. Из гостиной доносился смех. Женский.

Я застыла. Сердце пропустило удар, потом забило где-то в горле. Я шагнула вперёд, и коридор привёл меня к открытой двери спальни. Они не закрыли дверь. Они были так увлечены друг другом, что не слышали, как я вошла. Максим лежал на спине, а на нём сидела девушка — совсем юная, с длинными светлыми волосами и идеальной улыбкой. Она смеялась, запрокидывая голову, и он целовал её шею.

Пакет с виски и рубашкой выскользнул из моих рук и упал с глухим стуком. Они оба повернулись. Максим сначала не узнал меня — его глаза были затуманены, но через мгновение он побледнел.

— Алина? — выдохнул он, отталкивая девушку. — Ты... ты что здесь делаешь?

— Я пришла сделать тебе сюрприз, — сказала я, и голос мой звучал чужо, будто не мой. — Видимо, сюрприз удался.

Девушка натянула простыню и смотрела на меня с наглым любопытством, без тени стыда. Она даже не попыталась спрятаться.

— Это та самая? — спросила она Максима с лёгкой усмешкой. — Твоя бывшая?

— Бывшая? — я шагнула в комнату. — Мы не расставались, Максим. Ты что, не сказал ей, что у тебя есть девушка?

— Алина, — он встал с кровати, натягивая джинсы, и подошёл ко мне. — Послушай, это не то, что ты думаешь. Она... она просто пришла в гости. Мы ничего не планировали. Это случайность.

— Случайность? — я рассмеялась, но смех вышел горьким, почти истерическим. — Она сидит на тебе, и это случайность? Ты изменяешь мне, Максим. Сколько раз? Сколько их было?

Он молчал. Он не мог врать, потому что я видела всё собственными глазами. Девушка тем временем встала, медленно оделась, даже не глядя на нас, и, проходя мимо, бросила мне:

— Извини, подруга. Я не знала, что вы ещё вместе. Он говорил, что вы уже разбежались.

— Убирайся, — сказала я ледяным тоном, и она, пожав плечами, выскользнула в коридор.

Я осталась наедине с Максимом. Он стоял передо мной, лохматый, растерянный, и пытался взять меня за руки.

— Алина, прости. Это ничего не значит. Ты — единственная. Я люблю только тебя.

— Ты любишь меня? — я вырвала руки. — Тогда зачем тебе другие? Тебе мало меня? Я отдала тебе пять лет, Максим. Пять лет я ждала, когда ты сделаешь мне предложение, когда мы заживём как семья. А ты просто пользовался мной.

— Нет, — он шагнул ко мне. — Я серьёзно. Мы поженимся, я обещаю. Просто дай мне время.

— Время? — я чувствовала, как слёзы душат меня, но я не хотела плакать при нём. — Ты уже получил его достаточно. Я устала. Я ухожу.

Я развернулась и пошла к выходу. Он бежал за мной по коридору, кричал, уговаривал. Я остановилась у двери, обернулась и посмотрела на него — на человека, которому я доверила всё. В его глазах я видела только досаду, не раскаяние.

— Ты даже не понимаешь, что потерял, — сказала я тихо и вышла, хлопнув дверью.

В лифте я прислонилась к стене и дала волю слезам. Они текли ручьём, смешиваясь с дождём, который барабанил по окнам подъезда. Я вышла на улицу и побрела куда-то, не разбирая дороги. Москва равнодушно текла мимо — машины, люди, яркие вывески. Я чувствовала себя маленькой песчинкой в этом огромном городе, который никогда не был мне родным.

Я добралась до своей студии, упала на диван и рыдала до вечера. Телефон разрывался от звонков Максима, но я сбрасывала их. Он писал сообщения: «Алина, прости», «Мы всё решим», «Я люблю тебя». Я блокировала его. Я не хотела слышать его голос. Каждое его слово резало меня, как нож.

Ночью я сидела на полу среди коробок, которые мы когда-то собирали вместе, и перебирала вещи. Фотографии из Сочи, билеты в кино, его старая футболка, которую я любила носить дома. Всё это теперь было ядом. Я хотела выбросить всё, но не могла пошевелиться.

Тогда я нашла номер тёти Лейлы. Она была единственной родственницей, которая писала мне время от времени, присылала открытки и всегда говорила: «Если будет трудно, приезжай». Я набрала её, и она ответила сразу, будто ждала звонка.

— Алинка, что случилось? — её голос был тёплым, как домашний чай.

— Тётя Лейла, — я снова заплакала. — Он предал меня. Я ухожу от него. Я не могу оставаться здесь.

— Дочка, — сказала она мягко, — приезжай. Здесь горы, воздух, я буду рядом. Отдохнёшь, придёшь в себя. Я всегда жду тебя.

Я держала трубку и смотрела на стену, покрытую постерами и календарями. Москва. Всё здесь напоминало о нём — кафе, где мы завтракали, парк, где мы гуляли, метро, где мы целовались на эскалаторе. Я больше не могла здесь дышать.

— Я приеду, — сказала я. — Только скажи, как добраться.

Она продиктовала адрес, и на следующий день я уже стояла в очереди за билетом на поезд до Владикавказа. Проводница с удивлением посмотрела на мой маленький рюкзак и спросила:

— Надолго едешь?

— Навсегда, — ответила я.

Поезд тронулся, и я смотрела в окно, как Москва медленно исчезает за горизонтом. Город, который дал мне иллюзию счастья, оказался ловушкой. Но теперь я была свободна. Я не знала, что меня ждёт впереди, но я верила, что там, у подножия гор, я смогу начать всё заново. И судьба уже держала наготове то самое имя, которое перевернёт мою жизнь.

Глава 1. Там, где горы касаются неба

Глава 1. Там, где горы касаются неба

Поезд Москва — Владикавказ тащился по рельсам так медленно, будто время нарочно растягивало минуты, чтобы я успела передумать. За окном проплывали березовые рощи, сменялись серыми пятиэтажками, потом снова лесом — мелькали, сливались в одно бесконечное полотно, пока я сжимала в кармане куртки кусок билета и чувствовала, как поезд уносит меня всё дальше от того, что я оставила в Москве.

Двадцать два года. Вся жизнь впереди — так говорят. Но вся моя жизнь помещалась в рюкзак за спиной, в телефон, на который уже два дня не приходило ни одного сообщения от человека, которому я доверяла пять лет. И в этот самый момент — в пачку влажных салфеток, которая почему-то казалась единственным разумным приобретением перед отъездом.

Тётя Лейла встретила меня на вокзале. Маленькая, сухонькая, с невероятно живыми карими глазами, которые смотрели на меня с той смесью тревоги и понимания, что бывает только у людей, переживших много своих бурь.

— Алинка, — она обняла меня так крепко, что я почувствовала запах выпечки и корицы, впитавшийся в её шерстяной платок. — Ну что ты, ну что ты, девочка моя. Проходи, проходи. Здесь всё хорошо будет.

Я не плакала. Я выплакала все слёзы в первую неделю после того, как застала Максима в его же квартире с девушкой, которая оказалась младше меня на три года и работала у него в офисе. Потом была неделя звенящей пустоты, когда я сидела в своей арендованной студии, смотрела в потолок и перебирала варианты: остаться, доказать, бороться. А в итоге — просто купила билет в тот самый город, где прошло моё детство, где жила единственная родственница, которая всегда принимала меня без вопросов.

Город назывался просто — Минводы, хотя поезд привёз меня немного дальше, в соседний район. Здесь, у самого подножия Кавказских гор, воздух казался другим. Он был гуще, чище, с горьковатым привкусом полыни и дыма от мангалов. В Москве я дышала бетоном и чужими амбициями. Здесь — дышала жизнью, даже если сама ещё не была готова это принять.

Мы вышли с вокзала, и я на секунду замерла. Горы. Они были повсюду. Справа, слева, впереди — массивные, величественные, с белыми шапками на вершинах, которые даже в конце сентября выглядели ледяными и неприступными. Они давили на сознание, заставляли чувствовать себя маленькой букашкой, но при этом почему-то успокаивали. Горы не предают. Горы просто стоят — тысячелетиями.

Дом тёти Лейлы стоял на окраине города, на частной улице, где соседние дома прятались за высокими заборами с коваными решётками. В её дворе рос огромный орех, под которым стоял старый деревянный стол, накрытый клеёнкой. На столе уже ждал чайник, свежий лаваш и мисочка с мёдом.

— Раздевайся, проходи, — командовала она, суетливо поправляя занавески на окне. — Я знаю, что ты поездом, что ты устала. Сначала чай, потом разговоры. Или вообще без разговоров — как хочешь.

Я скинула кроссовки и ступила на дощатый пол, который скрипнул под ногой с тёплым, домашним звуком. Внутри дом пах деревом, сухими травами и чем-то сладким. Тётя Лейла всегда держала порядок, но не стерильный — живой. На подоконниках стояли горшки с геранью, на стенах висели ковры с восточными узорами, а на комод — фотографии в рамках. Моя мама, её младшая сестра, улыбалась с одной из них. Она умерла, когда мне было десять. Потом был отец, который быстро нашёл новую жену и новую семью, и я осталась предоставлена сама себе — в Москве, в интернате, а потом в институте.

— Садись, — тётя Лейла поставила передо мной большую кружку с чаем и пододвинула вазочку с вареньем. — Рассказывай, что стряслось. Я вижу — ты не просто так приехала.

И я рассказала. Всё. Как мы познакомились с Максимом, как он обещал мне небо в алмазах, как мы снимали квартиру на его деньги, хотя я всегда работала сама, как я вчерашним днём, взяв отгул, приехала к нему с сюрпризом — купила его любимый виски и новую рубашку, — а вместо этого застала картину, которую не забуду никогда. Как я стояла в коридоре с пакетом в руках, а из спальни доносился смех, и голос Максима, который говорил: «Она ещё час будет? Отлично, значит, мы успеем».

Я рассказывала сухо, короткими фразами, стараясь не смотреть на тётю, потому что боялась разрыдаться снова. А она просто сидела напротив, подперев голову рукой, и слушала. Когда я закончила, она вздохнула.

— Знаешь, Алина, — сказала она тихо. — Моя бабушка, царствие ей небесное, всегда говорила: «Лучше потерять того, кто тебя не стоит, чем сохранить того, кто не держится за тебя». Ты сильная, девочка. Ты ушла сама — это дорогого стоит.

Я кивнула, хотя внутри всё ещё ныло. Пять лет. Пять лет я считала его своей семьёй, своим будущим. А он оказался просто красивой обёрткой, внутри которой было пусто.

Первые три дня в Минводах прошли в тётинной заботе и почти полной тишине. Я спала до обеда, гуляла по улицам, рассматривала горы и пыталась вспомнить, каково это — быть просто собой. Без «мы», без общих планов, без того, чтобы каждое утро проверять телефон в ожидании его сообщения. Телефон молчал. Максим написал только один раз: «Ты серьёзно уехала? Когда вернёшься?». Я удалила сообщение и заблокировала его номер.

Тётя Лейла работала в небольшом кафе в центре города, где подавали хинкали, шурпу и домашние пироги. Четвёртого дня она сказала:

— Алин, ты не можешь вечно сидеть у меня под крылом. Иди, помоги. У меня сегодня девочка заболела, а клиентов много. Буду тебя учить, это весело.

Кафе называлось «Старый город». Заведение было маленьким, на восемь столиков, но всегда полным. Сюда заходили и местные, и туристы — особенно те, кто ехал дальше, в горы, или возвращался уставшим и голодным. Первый день я была тенью тётя Лейлы — носила тарелки, протирала столы, училась запоминать заказы. К концу смены у меня гудела поясница, но на душе было удивительно легко. Я работала. Я была полезна. Я не думала о Максиме.

На второй день тётя доверила мне подавать напитки и принимать заказы от посетителей. Я краснела, путалась в названиях местных блюд, но люди смотрели на меня с улыбкой — наверное, видели, что я новенькая, и не сердились.

Так я и проработала неделю. Неделю я привыкала к размеренному ритму жизни, к звукам лезгинки, доносившимся из соседнего двора, к базарному шуму по утрам, к тому, как воздух пахнет шашлыком и горными травами. Я думала, что моя новая жизнь будет именно такой — тихой, предсказуемой, безопасной. Я ошибалась.

На восьмой день, в субботу, кафе было забито под завязку. Какая-то туристическая группа заняла три столика, ещё пара местных отмечала день рождения, и я бегала от кухни к залу, стараясь ничего не перепутать. Солнце уже клонилось к закату, заливая помещение оранжевым светом, когда в кафе вошли четверо мужчин.

Я заметила их сразу — потому что они заняли собой всё пространство у входа. Трое из них были старше, солидные, с золотыми печатками на пальцах и дорогими часами. Но четвёртый... от него невозможно было оторвать глаз. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, аккуратно подстриженными по бокам, и глазами цвета крепкого чая — глубокими, внимательными, чуть прищуренными. Он был одет неброско, но дорого: чёрная кожаная куртка, тёмные джинсы, ботинки на толстой подошве. Он держался уверенно, спокойно — человек, привыкший, что его слушают, даже когда он молчит.

Я застыла на секунду, пытаясь выдавить из себя вежливую улыбку.

— Добрый вечер, — проговорила я, подходя к их столику. — Что будете заказывать? Один из старших мужчин, с проседью в усах, посмотрел на меня с любопытством.

— А мы разве раньше тебя не видели? Ты новая, да?

— Да, помогаю тёте, — ответила я, чувствуя, как краснею.

— Молодцы, — он одобрительно кивнул. — Ты — да, ты нам... ну, принеси что-то из мяса. И чай. Много чая. И зелёный, и чёрный. И лепёшки. Только свежие, не вчерашние.

Я записывала, стараясь не смотреть на того, четвёртого. Но чувствовала его взгляд на своей спине, когда разворачивалась, чтобы идти на кухню. Он молчал. Просто смотрел. И от этого взгляда у меня по позвоночнику побежали мурашки — отнюдь не от холода.

Когда я принесла им заказ, старший из мужчин — его, кажется, звали Расул — легко коснулся моей руки.

— Ты не здешняя? — спросил он. — Акцент есть.

— Из Москвы, — ответила я, убирая руку.

— Ого! — он присвистнул. — Москвичка. А тут-то что забыла? От жениха сбежала, да?

Он засмеялся, но смех его был добродушным. Я лишь улыбнулась в ответ, не вдаваясь в подробности, и уже хотела уйти, как тот, четвёртый, наконец заговорил.

— Расул, не смущай девушку, — сказал он негромко, но в голосе его прозвучала сталь. — Она пришла работать, а не отвечать на вопросы.

Расул тут же замолчал и виновато развёл руками.

— А ты, Тимур, всегда всё портишь, — проворчал он, но беззлобно.

Тимур. Я повторила это имя про себя и вдруг поняла, что он наконец-то повернулся ко мне лицом. Наши взгляды встретились. На одно мгновение — короткое, как удар тока. Я увидела в его глазах что-то, что заставило меня задержать дыхание. Не интерес, нет. Не влечение. Скорее — настороженное любопытство, смешанное с той же сталью, что звучала в голосе. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь, будто читал всё, что я прятала в душе.

— Принесите ещё воды, — сказал он ровно, отворачиваясь. — Пожалуйста.

Я кивнула и почти выбежала из зала.

Тётя Лейла стояла у раздачи, нарезаая хлеб, и бросила на меня быстрый взгляд.

— Ты чего покраснела? — спросила она.

— Да там один... клиент, — сбивчиво ответила я, забирая графин с водой. — Ничего.

— Смотри, — она хитро прищурилась. — Тимур Алиев, что ли, пришёл?

— Откуда ты знаешь?

— А я всех знаю, — усмехнулась тётя. — Он старший сын Алиевых. У них тут бизнес — рестораны, гостиницы, весь этот район. Но Тимур — он такой, знаешь... не из тех, кто смотрит просто так. Если он на тебя посмотрел — значит, заметил.

Я пожала плечами, хотя сердце колотилось быстрее обычного. Я же приехала не ради этого. Я приехала, чтобы забыть, спрятаться, начать сначала в тишине и покое. Мне не нужны были ничьи взгляды — особенно мужские.

Вечером, закрывая кафе, я вышла на улицу подышать. Горы на закате казались фиолетовыми, почти чёрными, с золотыми прожилками уходящего солнца. Я стояла и смотрела на них, когда услышала шаги позади.

Обернулась. Тимур стоял в трёх метрах от меня, опершись плечом о забор. В зубах — незажжённая сигарета, которую он вертел в пальцах.

— Не ожидал тебя здесь встретить, — сказал он, и голос его звучал мягче, чем в кафе.

— Я живу недалеко, — ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжалось.

— Я знаю. — Он сделал шаг ближе. — Ты у тёти Лейлы. Она хорошая женщина.

Я молчала. Он смотрел на меня, а потом вдруг улыбнулся — не той холодной улыбкой, что была в зале, а другой, почти мальчишеской.

— Только ты, я смотрю, не очень рада знакомству.

— С чего ты взял? — я подняла подбородок.

— Глаза, — ответил он просто. — В них написано: «только оставьте меня в покое». Но я, знаешь, — он шагнул ещё ближе, на расстояние вытянутой руки, — я не из тех, кто оставляет. Мне стало интересно, что в Москве могло быть настолько плохо, чтобы сбежать сюда.

Я почувствовала, как слова застревают в горле. Смесь раздражения и любопытства боролась во мне.

— Ты так и будешь меня допрашивать? — спросила я с вызовом.

— Пока не узнаю, что ты неопасна, — усмехнулся он.

— А кто здесь опасен? — парировала я.

Он помедлил. В темноте его глаза казались почти чёрными, и он вдруг стал серьёзным.

— Я, — ответил он тихо, но так, что я поверила. — Поэтому тебе лучше держаться от меня подальше, Алина из Москвы.

Он развернулся и ушёл в темноту, оставив меня стоять у забора с колотящимся сердцем и странным ощущением, что всё только начинается. Что та тихая жизнь, которую я себе нарисовала, разбилась вдребезги в ту же секунду, когда он произнёс моё имя.

Я зашла в дом, где тётя Лейла уже грела чайник.

— Пойдём ужинать, — сказала она просто. — Ты как, ничего?

— Да, — ответила я, садясь за стол. — Ничего.

Но в руках у меня дрожала ложка, и я знала — я солгала.

Глава 2. Честь дороже крови

Глава 2. Честь дороже крови

Тимур вышел из кафе «Старый город» и остановился на мгновение, позволяя вечернему воздуху охладить лицо. Где-то вдалеке лаяла собака, со стороны рынка доносился запах жареного мяса и сладкой халвы, а в голове всё ещё звучал её голос — звонкий, с лёгкой московской картавостью, которая здесь, на Кавказе, резала слух, но почему-то не раздражала. Наоборот — хотелось слушать ещё.

Он сунул незажжённую сигарету обратно в пачку и зашагал к своей машине. Чёрный «Мерседес» стоял у обочины, сверкая лаками в свете уличных фонарей. Тимур сел за руль, но не заводил мотор. Он смотрел на домик тёти Лейлы, где в окне горел жёлтый свет, и думал о той девушке.

Алина.

Он даже не знал её фамилии. Но знал, что она из Москвы, что она сбежала от чего-то, что она живёт у тёти и работает в кафе. Этого хватило, чтобы зацепиться взглядом. Когда она подошла к их столику, он сразу заметил, что она не похожа на местных. Не только акцентом — манерой держаться. Она была напряжена, как струна, готовая лопнуть, но при этом не ломалась. В глазах — боль, которую она пыталась спрятать за улыбкой. Тимур знал эту боль. Он сам носил её внутри уже много лет.

Он завёл машину и вырулил на трассу, ведущую к его дому. Дом стоял вверх по склону, с видом на весь город и на горную гряду — огромное двухэтажное здание с белыми колоннами, широким двором и садом, где росли гранатовые деревья. Когда он въехал во двор, ворота уже были открыты — охрана знала его машину. Он припарковался, выключил двигатель и пошёл к крыльцу, но на ступенях его встретил отец.

Руслан Алиев стоял, сложив руки на груди. Высокий, седой на висках, с твёрдым взглядом, который не терпел возражений. Тимур вырос с этим взглядом — он умел читать его с полувзгляда. Сейчас в отцовских глазах было недовольство.

— Где ты был? — спросил отец без приветствия. — Мы ждали тебя к ужину. Мать волновалась.

— Задержался, — коротко ответил Тимур, проходя мимо. — Был в городе.

— В городе, — повторил отец с усмешкой. — Я слышал, что вы с Расулом и другими заезжали в «Старый город». Там, говорят, появилась новая девочка. Из Москвы.

Тимур остановился и медленно повернулся.

— Откуда ты знаешь?

— У меня везде глаза, сын, — Руслан шагнул ближе. — Ты взрослый, я не мешаю тебе жить. Но я знаю, когда ты задерживаешься из-за дела, а когда — из-за женщины. Эта девушка не для тебя. Ты помнишь, что мы говорили о Зарине?

Тимур сжал челюсти. Зарина. Дочь их давнего партнёра, Хасана Даудова. Отец и мать уже год намекали, что пора бы соединить семьи — это укрепит бизнес, это традиция, это правильно. Зарина — красивая, воспитанная, из хорошего рода. И она давно смотрела на Тимура с пониманием, что рано или поздно он сделает ей предложение. Только вот сам Тимур не чувствовал к ней ничего, кроме уважения и холодной симпатии.

— Я помню, — ответил он ровно. — Но я ничего ей не обещал. И не обещаю, пока сам не решу.

— Решишь, — голос отца стал твёрже. — Решишь, как надо. Ты не можешь поступать как хочешь. Ты старший сын. На тебе держится честь семьи. Если ты начнёшь водиться с чужаками, тем более с русскими из Москвы, которые сбегают от своих проблем, ты опозоришь нас перед всеми.

— Она не «водится», она работает у тётки, — процедил Тимур. — Я просто выпил чай в кафе. Ничего больше.

— И чтобы ничего больше не было, — отец поднял палец. — Я сказал.

Он развернулся и ушёл в дом, оставив Тимура стоять на крыльце. В груди закипала злость — знакомая, глухая, та, которую он привык подавлять. Тимур всегда был послушным сыном. Он учился, строил бизнес, уважал родителей, никогда не перечил отцу при людях. Но внутри него жил другой человек — тот, который хотел выбирать сам. Тот, которому надоело быть марионеткой в чужих руках.

Он вошёл в дом, прошёл в свою комнату на втором этаже и закрыл дверь. Снял куртку, бросил на кресло и подошёл к окну. Внизу горел сад, дальше — город, огни которого сливались с вечерней дымкой, а ещё дальше — горы, чёрные, величественные, безмолвные. Тимур провёл рукой по лицу и вдруг понял, что думает о ней. Об Алине. О её глазах, в которых было столько боли и столько силы одновременно.

Он не знал, что его так привлекло. Может, её уязвимость? Или наоборот — та искра, которая блеснула, когда она ответила на его колкость? Она не испугалась. Она стояла и смотрела прямо, хотя руки её дрожали. Она была как горный ветер — ледяная и живая.

На следующее утро Тимур проснулся с твёрдым решением. Он сказал себе, что не пойдёт в «Старый город» — по крайней мере, ближайшие несколько дней. Отец и без того слишком зорек. Но судьба, как назло, распорядилась иначе.

После обеда ему позвонил Расул и сказал, что у них проблемы с поставкой мяса для ресторанов — их постоянный поставщик заболел, и нужно срочно найти замену. Тимур вспомнил, что тётка Лейла, как он знал, имела свои связи на рынке и могла помочь. Это был отличный повод, чтобы появиться в кафе — деловой, официальный, без всяких задних мыслей.

В кафе было почти пусто. Послеобеденное затишье. Он вошёл и увидел Алину за стойкой — она протирала чашки и что-то напевала себе под нос. Негромко, мелодично. Увидев его, она вздрогнула и чуть не уронила чашку.

— Ты? — вырвалось у неё.

— Я, — Тимур улыбнулся, стараясь выглядеть дружелюбно. — Не бойся, я не за тобой. Мне нужно поговорить с твоей тёткой. Деловой вопрос.

Алина настороженно посмотрела на него, но кивнула и скрылась в кухне. Через минуту вышла тётка Лейла, вытирая руки о фартук.

— Тимур Алиев, — сказала она с лёгким поклоном. — Какими судьбами? Садись, чай будешь?

— Здравствуйте, Лейла-ханум. — Он присел за ближайший столик. — Мне нужна помощь. Поставщик подвёл, а у вас говорят, есть связи на рынке. Не могли бы вы подсказать надёжного человека? Разумеется, не бесплатно.

Лейла хитро прищурилась.

— Ох, Тимур, Тимур, — покачала она головой. — Пришёл бы ты только за мясом, я бы не удивилась. Но ты пришёл ещё и посмотреть на мою племянницу. Я же не слепая.

Он почувствовал, как кровь прилила к лицу. Кавказские женщины всегда видели насквозь.

— Не отрицаю, — сказал он тихо, чтобы Алина не услышала из-за двери. — Но я не сделаю ничего, что ей навредит. Слово.

Лейла внимательно посмотрела на него и вздохнула.

— Тяжёлая ты партия, Тимур. Семья у тебя такая, что никто не позавидует. И Алина у меня одна — я за неё отвечаю перед её матерью на том свете. Поэтому давай без игр. Если ты к ней серьёзно — тогда сначала разберись со своими делами, а потом уже смотри на неё. Понял?

— Понял, — ответил он, и в голосе его не было привычной стали, только уважение.

Лейла назвала ему контакт поставщика и ушла на кухню. Тимур остался сидеть. Он смотрел на дверь, откуда через минуту выглянула Алина. Она осторожно подошла с чайником и чашкой.

— Тётя сказала принести тебе чай, — объяснила она. — С мятой. Ты любишь мяту?

— Люблю, — ответил он, беря чашку. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Она отдернула руку, как от огня. — Алина, — сказал он мягко. — Можно задать тебе один вопрос?

— Задавай.

— Что случилось в Москве? Почему ты уехала?

Она замерла. Чашка в её руках дрогнула. Тимур видел, как борются в ней желание сказать правду и желание закрыться. Наконец она поставила чашку на стол и села напротив.

— Я уехала, потому что устала верить людям, которые не стоят моего доверия, — произнесла она тихо, но твёрдо. — Я пять лет строила отношения, а он... он предпочёл мне другую. И я не стала бороться. Я просто ушла. Теперь я здесь.

— И как здесь? — спросил он.

— Здесь... — она запнулась и вдруг улыбнулась — впервые Тимур видел такую улыбку, открытую, тёплую. — Здесь горы. Они большие и надёжные. Они не предадут.

Тимур смотрел на неё и чувствовал, как в груди растёт что-то огромное, горячее. Он хотел сказать ей, что он тоже надёжный, что он не предаст, но слова застряли в горле. Он не мог обещать того, чего не мог гарантировать, пока над ним стоял отец и традиции, и обещание, данное Зарине.

Вместо этого он сказал:

— Алина, будь осторожна здесь. Не все такие надёжные, как горы.

— Ты о ком? — прищурилась она.

— Обо мне, — ответил он и поднялся. — Спасибо за чай. И за разговор.

Он пошёл к выходу, но у двери обернулся. Она стояла в луче закатного солнца, и свет падал на её волосы, делая их золотистыми.

— Я ещё приду, — сказал он. — Не потому что мне нужна помощь. А потому что я хочу тебя видеть.

Он вышел, оставив её одну в кафе. Алина стояла неподвижно, глядя на закрывшуюся дверь. Она пыталась убедить себя, что он опасен, что он из другого мира, что она не ищет новых страданий. Но сердце уже билось быстрее, и она поняла — она тоже хочет его видеть.

Когда Тимур сел в машину, он поймал себя на мысли, что впервые за долгие годы он хочет чего-то по-настоящему, а не потому, что так надо. И это пугало его до дрожи.

Он набрал номер отца.

— Папа, — сказал он. — Мы должны поговорить о Зарине. Не сейчас, но скоро. Я хочу сам решать свою жизнь.

На том конце повисла тяжёлая тишина. Потом отец сказал:

— Мы поговорим, когда ты будешь готов. Но помни: у нас есть слово.

Тимур сбросил звонок и уставился на фары встречных машин. Он знал, что путь будет долгим. Но он также знал, что встретил женщину, ради которой стоит бороться. Даже если эта борьба будет стоить ему всего.

Глава 3. Тот, кого я похоронила

Глава 3. Тот, кого я похоронила

Неделя пролетела как один день. Я втянулась в работу, начала запоминать имена постоянных клиентов, научилась заваривать чай по всем правилам — сначала ополоснуть заварник кипятком, потом засыпать листья, дать настояться ровно три минуты. Тётя Лейла хвалила меня и говорила, что из меня выйдет толк. Я почти перестала вздрагивать при каждом звонке и перестала проверять телефон в надежде увидеть сообщение от Максима. Почти.

Тимур появлялся в кафе через день. Всегда с деловым видом, всегда заказывал чай и лепёшки, но я чувствовала — он приходит ради меня. Между нами установилась странная игра: он садился за дальний столик, я приносила заказ, мы обменивались парой фраз, и он уходил. Но в этих фразах было больше, чем в иных долгих разговорах. Он спрашивал, как прошёл день. Я отвечала, что нормально. Он смотрел на меня так, будто пытался прочитать между строк. И я ловила себя на том, что жду этих визитов, что начинаю улыбаться, когда его чёрный «Мерседес» останавливается у кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.